

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ

ДВЕРЬ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

КНИГА 2

Александр Николаев

Дверь в Зазеркалье. Книга 2

«ИП Стрельбицкий»

Николаев А.

Дверь в Зазеркалье. Книга 2 / А. Николаев — «ИП Стрельбицкий»,

Наша жизнь дискретна и состоит из сравнительно небольшого количества значимых эпизодов, которые будучи последовательно объединенными во временной ряд, создают образ конкретного человека. Так двадцать четыре статических кадра, проходя за секунду перед глазами зрителя, образуют иллюзию осмысленного движения. И точно так же предлагаемые читателю короткие истории, расположенные условно в хронологическом порядке, раскрывают особенности эволюции сознания человека. Взрослея, он постепенно начинает понимать, насколько бесконечен и таинственен окружающий его мир, в котором сложным образом соприкасаются судьбы людей.

Содержание

КНИГА ВТОРАЯ	5
1. Страсть к литературе	5
2. Бешеные деньги	14
3. Очарование весны	26
3.1. Апрельский этюд	26
3.2. Сиреневый туман	27
4. Эпизод	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Николаев

Дверь в Зазеркалье

КНИГА ВТОРАЯ

Игра закрытого разума, или письма к Матильде

Игра – вид осмысленной непродуктивной деятельности, где мотив

лежит не только в результате, но и в самом процессе.

Википедия

1. Страсть к литературе (Письмо первое к несравненной Матильде)

Когда-то давно одна девушка призналась мне, что в детстве хотела, чтобы её звали Матильда. Было для неё в этом имени что-то нездешнее, завораживающее. С тех пор прошло довольно много времени. Девушка стала взрослой и смирилась со своим настоящим именем. А вот я не забыл, как ни странно, и всё ещё иногда пишу письма той несуществующей женщине по имени Матильда.

А.Н.

Дорогая Матильда, я уверен, что Вы были немало удивлены, увидев на конверте мою фамилию: почему, после стольких лет молчания, я вдруг решился написать Вам? Признаться, я и сам не нахожу внятного объяснения своему поступку. Казалось, много лет назад мы всё сказали друг другу, сказали достаточно для того, чтобы расстаться навсегда. Однако незаметно прошли годы, выросли дети, изменился окружающий нас мир, мы стали иными, и я ловлю себя на том, что всё чаще вспоминаю Ваше лицо, слышу Ваш смех и вспоминаю те дни, когда мы были молоды и необыкновенно счастливы. И теперь, с высоты прожитых лет, причины, послужившие тогда поводом для расставания, кажутся мне мелкими и недостойными внимания.

Я долго не мог решиться, но, в конце концов, всё же написал это письмо. Надеюсь, Вы найдёте в себе силы прочитать его и простите мне те слова, сказанные по молодости лет сгоряча и необдуманно. Я буду рад, если это случится и сам факт ответного письма стану расценивать, как Ваше желание возобновить наши отношения, теперь уже на эпистолярном, ни к чему не обязывающем, уровне.

Надеясь на это, хочу сказать, что после нашей разлуки жизнь моя протекала без особенностей. Университет, как ни странно, практически не оставил в памяти ничего такого, что было бы достойно внимания. Да, и последующие годы не были богаты событиями, которые следовало бы считать знаковыми. Я, как и все, вырос, двигался по служебной лестнице, решал неизбежно возникающие при этом проблемы. То есть всё, как у всех...

Однако нет в этом мире двух одинаковых судеб. Каждый из нас счастлив и несчастлив особенным, только ему присущим, образом. И, принимая это во внимание, я хочу поделиться с Вами портретами тех необычных людей, которые оставили след в моей судьбе, некоторыми происшествиями, которые могли произойти – и произошли – только со мной и ни с кем другим, мыслями, по разным причинам занимающим сейчас моё воображение. Словом, поделиться всем, благодаря чему я стал тем, кого по прошествии многих лет представляю сегодня.

Если Вы не станете возражать, я, располагая временем, попытаюсь сообщить своим письмам характер литературного повествования, даже некоторой фантазийности, для придания им живости и для того, чтобы Вы могли ярче воспроизвести в своём сознании мою жизнь на фоне нашего общего времени, которое, словно песок в часах, неотвратимо перетекает из одного сосуда в другой, из верхнего в нижний.

Мой друг, о котором речь пойдёт ниже, был, есть и навсегда останется в моей памяти, как один из тех немногих кристально честных и чистых людей, благодаря которым наш безумный мир всё ещё не постигла участь библейских Содомы и Гоморры. Вот эта небольшая история, рассказанная по разным соображениям как-бы от его имени.

Глядя на мир, нельзя не удивляться!

Козьма Прутков

Меня зовут Александр Синберг. Если внимательно исследовать структуру моей фамилии, то даже неискушённому человеку станет ясно, что мои далёкие предки в незапамятные времена обитали где-то в районе Синайских гор. Это и наложило отпечаток на мою внешность: карие глаза, слегка выующиеся волосы, смуглая кожа. При среднем росте я имею довольно плотное телосложение, а от уходящей вглубь веков генетической цепочки мне достались крепкие, слегка согнутые ноги и чуть более длинные, чем хотелось бы, руки. Обладая такими особенностями, я по просьбе друзей в узкой компании охотно изображаю ту самую обезьяну, от которой, если верить Дарвину, все мы когда-то произошли. Мне трудно судить о своих артистических способностях, но говорят, что сходство просто разительное, причём оно становится тем более существенным, чем больше мы перед этим выпили. Отсюда я делаю два вывода: во-первых, алкоголь в больших количествах однозначно вреден, а, во-вторых, как ни прискорбно это осознавать, знаменитый англичанин, похоже, в чём-то был прав.

Имя же, которое я ношу, и которым, кстати, вполне доволен, в отличие от фамилии досталось мне совершенно случайно. Мои родители по ряду обстоятельств создали семью в довольно зрелом возрасте. Когда я родился, моя мама ещё долго приходила в себя после этого события, и отец вынужден был самостоятельно принимать решение о том, какое же имя следует дать своему единственному сыну. Будучи человеком прямолинейным, он не стал делать из этого проблему и решил назвать меня в честь деда, который в полном соответствии со спецификой Одессы, откуда был родом, носил красивое, по его же разумению, имя Бенцион.

Девушка в загсе, куда пришёл отец с целью узаконить моё пребывание в этом несовершенном мире, долго не могла понять чего хочет этот немолодой человек. Постепенно до неё дошло, что новорождённого мальчика, который в силу юного возраста не может отстаивать свои права, хотят назвать каким-то Бенционом, и тогда она пришла в состояние крайнего негодования. Отцу самым строгим голосом было заявлено, что такого имени в природе не существует и не нужно ей морочить голову столь замысловатым образом.

Здесь я должен остановиться и заметить, что мой отец, коммунист до мозга костей, при росте в сто восемьдесят пять сантиметров и нехилом телосложении закончил боевые действия в звании полковника, командуя бронепоездом. То есть, его трудно было заподозрить в отсутствии характера, но стоило ему столкнуться с женщиной, особенно маленького роста, была у человека такая фишка, он терялся и ни в чём не мог ей перечить. Поэтому в ответ на замечание пигалицы из загса, которую с трудом можно было заметить за официальным столом, он всего лишь робко спросил:

– И как же нам его назвать?

– Да очень просто, – ответила официальная девушка, имя которой, к сожалению, осталось неизвестным, – назовите Александром, а дома будете звать мальчика просто – Саша.

На том и порешили. Так я стал Александром, хотя при другом раскладе запросто стать Беней, что, сказать честно, вряд ли украсило бы мою жизнь. Ведь не напрасно же говорят, что имя серьёзно влияет на судьбу человека.

Сейчас мне двадцать пять лет, и я всю свою сознательную жизнь провёл в большом городе на Днепре. Здесь я окончил школу, потом институт, а сейчас работаю на одном из заводов в должности заместителя начальника цеха. Та ещё должность, я вам доложу: подъём в пять утра, отбой в десять вечера. А между этими временными метками или сплошная работа, или подготовка к ней. Здесь же живут все мои друзья детства: Бутуз, Сёмка, Марик, Светка, Ленка, Герка, Борька. Они родились и выросли неподалёку, а сейчас занимаются каждый своим делом. Кто-то окончил институт, кто-то сразу после школы пошёл работать, а кто-то, есть и такие, с головой погрузился в теневой бизнес.

Наш район расположен на склоне холма неподалёку от центра города. Он представляет собой совокупность кривых улочек с остатками булыжных мостовых и довольно старых одноэтажных домов, в которых живут преимущественно люди одной со мной национальности, то есть евреи. Так уж случилось по жизни. Как говорят, случайное стечение обстоятельств. Такое же случайное, как и обрётённое мною во младенчестве имя.

Для меня принадлежность к богоизбранной нации не является чем-то определяющим. Хотя, не стану скрывать, понимание того, что многие выдающиеся умы, оказавшие существенное влияние на ход истории, и я принадлежим к одному народу, доставляет, по меньшей мере, удовлетворение. И это удовлетворение, если уж быть до конца откровенным, где-то там, в глубине сознания, всё же накладывает свой отпечаток на психологию, заставляя невольно стоять как-бы чуть в стороне от остального человечества, ощущая свою неодинаковость.

Впрочем, повторяю, если говорить обо мне лично, то я всегда считал и считаю сейчас, что принадлежность к моему народу автоматически не даёт право её обладателю считать себя умнее или лучше других людей. Среди нас, как и везде, встречаются разные особи, в том числе и такие, рядом с которыми я не хотел бы даже стоять рядом. С равным, или почти равным, успехом можно найти огромное количество приличных, как говорит моя мама, людей и среди других национальностей. На самом деле суть не в том, к какому народу ты принадлежишь, а в том, насколько ты независимо от этого можешь считаться человеком в высоком смысле этого непростого слова.

Вот уже четыре года как я женат. Мою жену зовут Генриетта, но она охотно отзывается на более простое имя – Гета. Нашей дочери Элине три года. Само собой разумеется, что у Геты есть папа, мама, то есть мои тесть и тёща, и даже довольно древняя бабушка, которая умудрилась прожить всю жизнь в русскоязычном городе, но при этом предпочитала говорить на идише. Дом, в котором мы живём, долгое время строился по частям, по мере того, как у родителей появлялись деньги. В связи с этим он имеет сложную конфигурацию и достаточно условно разделён на две части: в одной находимся мы втроём, в другой – мои родители. Мои старики получают пенсию, которой в целом хватает на жизнь, но для свободы финансового

манёвра мать вот уже несколько лет сдаёт две комнаты внаём молодым семьям без детей. В настоящее время одна из комнат пустует, хотя я слышал, что какие-то молодые ребята уже договорились о цене и условиях проживания, оставили задаток и собираются вскоре поселиться в нашем доме на родительской половине.

За окнами дней десять как стоит удивительно мягкий сентябрь. Ещё по-летнему солнечно и тепло, но дни уже стали существенно короче, а ночи, увы, длиннее и прохладнее. Естественное течение жизни... Как-то ранним субботним утром я, имея в качестве одежды одни лишь трусы, приводил в порядок входную дверь, когда вдруг скрипнула калитка, и во двор зашёл стройный темноволосый парень не нашей наружности, но, опять же, пользуясь маминым определением, приличного внешнего вида. В руках он нёс антикварного качества чемодан и большую связку книг.

– Привет, – сказал он, ставя свой груз на плотный ковёр спорыша, которым был покрыты все три сотки земли перед домом, – ты сын Веры Исааковны, надо полагать?

– Да, – не стал скрывать я очевидный факт, принимая во внимание свою форму одежды и род занятий, – а вы, как я догадываюсь, наши новые жильцы?

Парень улыбнулся и протянул руку:

– Ты угадал, мы ваши новые жильцы. Жена подъедет попозже, а я займу комнату уже сегодня, если нет возражений. Кстати, меня зовут очень просто – Александр.

Я пожал протянутую мне руку, глядя в его весёлые глаза, и в свою очередь представился:

– Тоже Александр, порой удивляюсь тому, насколько популярно было это имя четверть века назад.

Он коротко рассмеялся:

– Да уж, Александров на самом деле довольно много, но, признаться, меня это имя устраивает. Я как-то привык к нему за последние двадцать пять лет, и, сказать честно, уже не мыслю себя кем-то другим.

Я подумал о возможности стать Бенционом, усмехнулся и сказал:

– Давай помогу донести книги. О, я смотрю у тебя здесь Тарле. Классно пишет академик, у меня, кстати, есть его «Наполеон», читал?

– Нет, не читал. У меня здесь «Северная война» и «Южная война», я вообще-то собираю книги об эпохе Петра Первого. Конкретный был император, мне очень правится то, как жил и действовал этот человек. Время будет, поговорим об этом подробнее.

Я проводил его в комнату и не стал мешать новому жильцу обустраиваться. Тот сделал ещё несколько ходок на прежнюю квартиру, а уже к вечеру у всех в доме сложилось впечатление, будто он жил здесь всегда. Впоследствии я не раз удивлялся тому, насколько легко он сходилась с людьми самого разного внутреннего устройства. Я просто не помню человека, который даже после недолгого общения с ним не считал бы его своим если не другом, то, по крайней мере, приятелем.

Тем же вечером мы с женой шли в кинотеатр и пригласили его с собой. Возвращались поздно вечером. По дороге переговаривали о самых разных вещах. Новый постоялец моей мамы оказался хорошо образованным и начитанным человеком. С ним было интересно, такой вердикт вынесла моя Гета, когда мы ложились спать.

Через неделю приехала и его жена. Она оказалась красивой и удивительно молодой даже для своего возраста миниатюрной женщиной, которая пару месяцев назад окончила институт и получила распределение в техникум, что находился неподалёку от нас. Сам он работал в НИИ горного профиля, куда попал сразу после института. Оба они как-то быстро и естественно влились в нашу компанию, которая сформировалась ещё в школе. Мы незаметно стали называть друг друга коллегами, как это было принято на западе Украины, где жили и работали родители Наташи, так звали жену моего тёзки.

Быстро покатилося время, заполненное работой и домашними хлопотами. Миновала осень, затем зима и стало близиться долгожданное лето. Как-то субботним майским днём мы с моим новым другом случайно встретились в центре города и решили от нечего делать пройтись по центральному проспекту, обсуждая не так давно возникшую тему, которая касалась определения сути такого привычного и, казалось, простого на первый взгляд понятия, как «ум». Что это за категория и как она связана с сознанием? Кого можно считать умным человеком, а какого нет? Где та зыбкая грань, за которой начинается безумие? Мы перерыли немало литературы по этому поводу, начав с Гельвеция, и нам было о чём поговорить.

Увлечённые беседой, мы незаметно подошли к универмагу. В угловом доме за ним у магазина «Подписная книга» виднелась длинная очередь. Обычно это упорядоченное скопление людей ассоциируется в обществе с понятием «дефицит». Значит там или уже предлагают что-то весьма востребованное, или собираются это делать. Влекомые любопытством подошли и мы. Оказалось, что идёт запись в очередь на подписное издание Дюма-отца. Книжки я и мой друг обожали и поэтому, не долго думая, удлиними цепочку оживлённо беседующих людей на наши две персоны. Прошло, примерно, минут через сорок, и мы, отойдя чуть в сторону, с любопытством разглядывали два картонных квадратика, на которых с потугой на каллиграфию были изображены четырёхзначные числа: 1021 у меня и 1022 у коллеги.

– Ну, и что это означает? – полюбопытствовал я.

– А то и означает, – объяснила нам стоявшая неподалёку бодренькая старушка, – что вот вы, например, в очереди находитесь на 1021 месте. Переключка происходит каждое воскресенье на этом же месте в двенадцать часов. Постарайтесь не опоздать, иначе потеряете своё право на подписку.

– Простите, – обратился я к ней, – а сколько всего экземпляров ожидается?

– Если не ошибаюсь, двести пятьдесят.

Мы переглянулись и снова затронули старушку:

– Тогда не понятно, на что рассчитывают те, кто имеет номер, скажем, триста?

– Ну, всякое случается на переключках: кто-то передумал, кто-то опоздал, а кто-то и вовсе умер...

– Это очень серьёзные аргументы, особенно последний, – мгновенно отреагировал мой друг, – а вы давно участвуете в таких мероприятиях?

– О, ребятки, да уже почитай лет десять. Чего только я не насмотрелась здесь, знали бы вы, какие страсти кипели на этом асфальте, романы писать можно.

– И, что много книг вы подписали таким образом?

– Немного, но кое-что есть, – с гордостью заметила она.

Поблагодарив старушку за информацию, мы отошли в сторону и стали наблюдать за оживлённо беседующими вокруг людьми. Вскоре стало ясно, что организаторами подписки являются трое: малосимпатичная женщина лет сорока по имени Жанна с лицом, усеянным бородавками, и двое такого же качества мужчин при ней. К ним обращались те, кому не ясен был процесс функционирования очереди, они же выдавали заветные номерки. Да, и по внешнему виду этих троих было ясно, кто здесь является главным, кто управляет процессом. Неясные пока ещё сомнения первым озвучил Саша:

– Коллега Синберг, – сказал он, – что-то я не понял, а на каком основании твои, извини, соплеменники управляют этой очередью? На чём вообще покоится, ещё раз прости за высокий слог, законность этого мероприятия?

Его вопросы были вполне разумны. Я как-то смутно припомнил, что где-то в прошлом пересекался с этой Жанной. Она действительно являлась нашей по крови, что, впрочем, не делало эту девушку в возрасте более привлекательной, чем она была на самом деле. Происходящее вокруг вызывало, по меньшей мере, раздражение. Ощущение было такое, словно нас только что беззастенчиво и, главное, привычно кинули.

– Не могу знать, коллега, – ответил я, – но спинным мозгом чувствую, что-то здесь не всё так хорошо, как хотелось бы.

– Могу поспорить, что у Жанны номерок далеко не тысячный и весьма вероятно не один.

– Даже не стану спорить, хотя мог бы. У меня есть предложение: давай по дороге купим пива и обсудим эту проблему, как говорится, в кулуарах.

К этому времени мы путём проб и ошибок уже точно знали, что для полного счастья нам нужна хорошая беседа, а к ней три литра пива и две копчёные рыбины. Так мы и поступили. В темпе прикупив материальные компоненты в ближайшем магазине, мы уселись за столиком в саду и стали думать. Примерно через час был готов план действий. Суть его состояла в том, что нужно было человек из пятидесяти крепких ребят создать параллельную очередь, столь же нелегитимную, как и первая, прийти в день подписки к магазину и начать переключку с тетрадкой в руках. Окружающие довольно быстро поймут, что иметь порядковый номер двести намного лучше, чем, к примеру, пятьсот, и переметнутся к нам. И на этом уже этапе всё будет зависеть от того, у кого прочнее нервы и мускулы. А здесь мы в силу возраста явно обладали рядом преимуществ.

Бутуз, крепкий парень и мой друг с детских лет, примкнувший к нам в начале разговора и принявший активное участие в обсуждении проблемы, сказал, что силовое участие будет за ним и хрен кто пробьётся через его ребят. Решено было также, что каждый из нас обеспечит явку человек десяти-пятнадцати парней с активной жизненной позицией, и во вторник мы проведём первую встречу в парке Чкалова.

Бутуз ушёл, окрылённый самой возможностью выполнять какое-то нестандартное действие, пиво к этому времени было выпито, но наши молодые организмы, возбуждённые открывающимися перспективами, требовали продолжения банкета.

– У меня в холодильнике есть бутылка «Столичной», – вдруг неожиданно для себя предложил я, хотя ещё секунду назад не собирался этого делать.

– Водка после пива? – живо отреагировал мой коллега, – звучит неплохо, и, заметь, не я это предложил. Но не предаст ли нас анафеме Гета, или, что ещё хуже, Вера Исааковна?

– Гета с Элей сегодня у тёщи, это – раз, а с мамой я договорюсь, это – два. В конце концов, не так часто мы с тобой позволяем себе расслабиться.

Минут через пятнадцать стол был накрыт, и мы продолжили беседу. Говорили о жизни, о будущем и, естественно, о женщинах, благо их поблизости не было. Потом Александр, продолжая женскую тему, предложил спеть на брудершафт романс «Я встретил вас...». Получилось неплохо, хотя, на мой взгляд, лучше было бы ему не упражняться в сольном пении. Время близилось к полуночи, становилось свежо и я предложил пойти на нашу половину дома. Там стояло фортепьяно, по классу которого я, как нормальный еврейский мальчик, когда-то окончил музыкальную школу, и лежал недавно купленный сборник романсов с нотами.

Я уселся за инструмент, коллега, стоя, одной рукой стал переворачивать страницы, а другой дирижировать, безуспешно пытаясь попасть в такт. Пели мы, надо полагать, хорошо, но громко. Через какое-то время, уловив движение сбоку, мы синхронно повернулись и замерли. В дверях, разделяющей наш дом на две половины, в длинной ночной рубашке стояла моя мама и молча смотрела на нас. Черты её лица при этом как-бы стекли к губам и подбородку, в глазах, которые от этой метаморфозы стали ещё больше, застыла вся скорбь еврейского народа. Мой коллега оценил ситуацию и отреагировал, как всегда, мгновенно:

– Всё, Вера Исааковна, – сказал он, – всё, уже никто не поёт, уже все мирно спят.

Проходя мимо моей мамы, он, склонившись, чмокнул её в голову и ушёл к себе в комнату. Мне было видно, как в этот момент лицо её мгновенно расслабилось в направлении от подбородка вверх, а глаза приобрели обычное мягкое выражение. Я тоже пошёл спать, хотя

чисто славянское желание излить душу в пении плескалось во мне до тех пор, пока блаженный сон не перенёс моё сознание в параллельный мир иных видений.

У танцплощадки парка имени знаменитого лётчика, куда мы пришли в ближайшую среду, было необычайнолюдно для раннего вечера середины недели. Желających приобщиться к литературному наследию оказалось человек пятьдесят, что вполне соответствовало нашему замыслу. В основном это были сотрудники различных НИИ в возрасте двадцати пяти-тридцати пяти лет. Я, Александр и Бутуз находились рядом. Выбрав момент, мой коллега попросил внимания и изложил суть проекта. Собравшиеся дружно поддержали идею. Не откладывая дело в долгий ящик, здесь же провели первую переключку и договорились проделать то же самое ровно через неделю. И так до самого главного дня, а вернее ночи, предшествующей подписке, поскольку желающие приобрести какое-либо издание обычно дежурили с вечера до открытия магазина.

Домой возвращались втроём. Все были на подъёме, говорили только о будущем мероприятии. Бутуз заверил, что с ближайшим отделением милиции он договорится, и те займут нейтральную позицию. У него вообще был странный круг знакомых: от ментов до явного криминала, что, впрочем, не мешало ему окончить институт, получить неплохое рабочее место в газовом хозяйстве города и, пользуясь статусом неженатого человека, активно менять девушек в поисках требуемого бриллианта. Парни, которых он привёл на переключку, с трудом тянули на интеллектуалов, но функции охранников, судя по лицам и бицепсам, должны были выполнить отменно. Одним словом, на этом этапе всё складывалось хорошо.

Прошёл месяц, в течение которого мы регулярно встречались теперь уже большим коллективом. Все перезнакомились и на последней переключке долго не могли разойтись, обсуждая уже текущие дела, не связанные с книгами. И вот, наконец, наступил долгожданный день. В три часа пополудни, за пару часов до построения привычной всем очереди, мы выстроились под стенами магазина и стали вести запись всех желающих стать владельцами подписного издания Александра Дюма. Стоит ли говорить о том, что в новой очереди я, коллега и Бутуз имели начальные номера. Постепенно к основному коллективу стали присоединяться люди со стороны, и через два часа я уже выдал номерок двухсотому любителю чтения.

Пришедшие как и полагалось к пяти часам вечера Жанна со товарищи в изумлении разглядывали длинную очередь незнакомых людей, организованно стоящих под стенами магазина. Резкая попытка вмешаться в процесс и призвать всех к совести разбилась о крепких парней Бутуза и снисходительные улыбки присутствующих. В итоге к вечеру у двери образовалось две примерно одинаковые по численности очереди: правая и левая. Правую возглавляли мы с коллегой, левую – кипящая гневом Жанна. Наступила короткая летняя ночь.

Мы запаслись термосами с кофе и бутербродами. Кое-кто догадался добавить в кофе коньяку, что не только не ухудшило качество напитка, но и подогревало интерес к жизни. Незаметно все разбились на группки по интересам. Самая многочисленная была вокруг нас. Курили, рассказывали анекдоты, обменивались мнениями о последних литературных новинках. Время летело незаметно.

Где-то под утро со стороны противника была предпринята плохо организованная попытка прорыва блокируемой двери магазина. Наши бойцы быстро восстановили порядок и даже перешли в наступление, но были вовремя остановлены. Нам не нужен был повод для скандала и вмешательства милиции. Я видел, как один из приятелей Бутуза что-то сказал на ушко Жанне, после чего она отшатнулась и пришла в лёгкое замешательство. У меня была мысль спросить того парня, что же он ей сказал такого, что могло смутить эту непробиваемую женщину, но в суматохе дел я как-то забыл об этом.

Наступило утро. Взошедшее солнце осветило две длинные очереди у магазина «Подписные издания». Уставшие за ночь люди молча ждали разрешения ситуации. В девять часов

дверь, наконец, отворилась, и мы втроём зашли внутрь, оставив снаружи крики возмущений, доносящиеся из очереди справа. Там у прилавка две девушки заполнили какие-то бланки, вручили каждому из нас первый том Дюма в роскошном издании. В этот момент в помещение вошла заведующая магазином, подозрительно посмотрела на наши небритые физиономии, и я понял, что мы ей не понравились. Подписка была приостановлена до выяснения обстоятельств, как она сказала.

Выйдя на улицу, первое, что я увидел, была торжествующая улыбка Жанны. Было ясно, что она каким-то образом сумела донести информацию о сложившейся ситуации до заведующей. Мой коллега тоже понял это и молча вернулся в магазин. Он отсутствовал минут пятнадцать. Улыбка Жанны за это время как-то увяла и превратилась в гримасу. Саша вышел внезапно, кивнул мне и Бутузу. Мы подошли, и он сказал следующее:

– Коллеги, нужен компромисс. Подчёркиваю, это будет временный компромисс, но без него на этом этапе не обойтись. Сейчас мы сольём две очереди в одну. В ней нечётные номера, начиная с первого, будут за нами, чётные – за оппонентами. Наши все при таком раскладе получают подписку. А потом, когда придёт время, мы людей из противной организации попросту выбросим вон. Потом, но не сегодня, так мы только что решили с директрисой, у которой тоже имеется свой интерес в этом деле. Есть вопросы?

– Вопросов нет, – сразу поддержал идею Бутуз, – это правильное решение. Кто скажет об этом Жанне?

– А вот сейчас мы с тобой пойдём и сделаем девушке предложение, от которого она вряд ли откажется.

– Идём – засмеялся Бутуз, – а Синберг пока поставит в известность наших ребят.

Я видел, как они уверенно подошли к Жанне, как отвели её в сторону и мой коллега стал объяснять ей суть вещей, как она молча кивнула. Компромисс был достигнут. Наши ребята сочли произошедшее полной победой нашего дела. К полудню подписка на полное собрание сочинений Александра Дюма была завершена. Ушли счастливые обладатели первого тома, ушли и те, кому это счастье не досталось, и вскоре только обрывки бумаги да окурки, густо усеявшие асфальт, напоминали о страстях, кипевших прошлой ночью вокруг этого, пустячного по сути, дела.

Организованная нами очередь на подписные книги существовала довольно долго, лет семь-восемь. Великолепные издания пополнили наши библиотеки, радуя глаз качеством обложек, а душу содержанием. А потом вдруг изменилось время, да и все мы как-то незаметно стали иными. Появилась масса других проблем, среди которых книги уже занимали далеко не самое главное место. Те, кто стоял у истоков нашего предприятия, в силу своих особенностей характера активно занялись решением этих проблем и многим это удалось. Впоследствии они стали крупными бизнесменами, политиками, учёными в родном отечестве. Иных судьба разбросала по далёким и близким странам, лежащим почти на всех континентах земного шарика, который благодаря современным телекоммуникациям оказался не таким уж и большим, как это казалось тогда, в молодости.

Прошло ещё какое-то время, и вот уже скайп и социальные сети избавили нас от необходимости писать письма и снова как-бы постепенно собирают всех в единую команду. Мы всё чаще общаемся в режиме on-line, вспоминаем былое, вглядываемся в знакомые лица, которые по своему шлифуют безжалостное время, а затем, отключив ноутбуки, долго ещё смотрим на полки книжных шкафов, где за стеклом в молчаливом порядке застыли те, с кем мы когда-то росли и выросли.

Отправляя свой рассказ, искренне надеюсь, дорогая Матильда, что он не оставит Вас равнодушной и с нетерпением стану ждать ответного письма.

Днепропетровск, 10 марта 2012 года
Искренне Ваш А.Н.

2. Бешеные деньги (Письмо второе к несравненной Матильде)

Дорогая Матильда, я бесконечно благодарен Вам за письмо, которое ждал с таким нетерпением. Рад тому, что мы одинаково оцениваем события тех лет, послужившие причиной нашего разрыва. Увы, сделанного не воротишь, но наша переписка, я уверен, позволит нам лучше понять, кем мы стали за эти годы, а перенесенные на бумагу воспоминания помогут воссоздать наши параллельно протекающие судьбы.

В настоящем письме я хочу рассказать Вам ещё об одном довольно ярком эпизоде, который оставил неизгладимое впечатление у всех его, тогда ещё совсем молодых, участников.

Отсутствие достаточного количества денег в молодости стимулирует умственную деятельность.

Жизненный опыт

Странствуя по жизни, я не закрываю глаза на окружающие меня явления.

О.Генри. Справочник Гименея

Каждому мужчине на определённом этапе жизненного пути приходит в голову мысль заработать большие деньги. Мысль же есть не что иное, как отражение реального мира, а реальность такова, что она заставляет нас искать способы оказывать знаки внимания женщине с целью усыпить её бдительность, двигаться по служебной лестнице, решать текущие проблемы, то есть жить. Как показывает опыт, на всё это требуются деньги. Мужчина без денег, если попытаться сделать определение в стиле О. Генри, подобен автомобилю без капли бензина в топливном баке. Что значат его мускулы, экстерьер и робкие попытки произвести серьёзное впечатление на других, более удачливых автовладельцев. Он не более чем игрушка в руках обстоятельств – этих посланников безжалостной судьбы.

Желание получить доступ к большим деньгам особенно усиливается у мужчины после того, как он женится и у него появляются дети. Жена и дети требуют наличия жилья и текущих расходов. Я осознал всё это в полном объёме после того, как окончил университет, и мы с женой поселились в частном доме, принадлежавшем Вере Исааковне Синберг. В этом доме, который был расположен в специфическом районе города, населённом в основном прямыми потомками сынов и дочерей Израилевых, мы снимали комнату площадью 5,6 м². Жена училась на последнем курсе университета, маленькую дочь, слава Богу, содержали тесть с тещей, сам я работал в НИИ на предельно низкой ставке, то есть денег катастрофически не хватало. Заработать же дополнительное их количество легальным путём в те годы было крайне непросто. Но очень хотелось, особенно хотелось купить кооперативную квартиру. Для этого следовало заработать три с половиной тысячи рублей. Для сравнения, автомобиль можно было тогда приобрести за шесть тысяч рублей.

Первая робкая попытка прикоснуться к золотому тельцу совпала с очередной годовщиной Великой Революции. Так случилось, что моя жена уехала к родителям повидать дочку, и я пребывал в состоянии одиночества и грусти. После обязательной демонстрации трудящихся мы с Толей Курченко, который работал в соседней лаборатории, решили продолжить красноречивый праздник. Выбор пал на вокзальный ресторан, шеф-повар которого долгое время работал при нашем посольстве в Париже. Это ощущалось как на внешнем виде подаваемых блюд, так и на их вкусовых качествах.

Мы резво вскочили в подошедший трамвай и уже через десять минут излагали симпатичной официантке несложную структуру нашего заказа: триста водки, лангет, грибочки, нарзан и кофе позднее. Толя при росте сто восемьдесят пять и маме, которая работала зав-магом, имел вальяжный вид, роскошные усы и соответствующие манеры. Девушки рядом с ним млели и теряли рассудок. Отчасти по этой причине через короткое время лучшая часть заказа, я имею в виду водку и грибочки, красовалась на столе. К ней Людочка, так звали нашу официантку, по своей инициативе добавила ломтики свежайшей буженины и сыра, понимая, что на заказанной порции водки мы вряд-ли остановимся. Как показали будущие события, чутьё не подвело опытную работницу общепита.

– А водка-то сладкая, – заметил Анатолий, когда мы выпили по первой.

– И что из этого следует? – поинтересовался я, бессознательно исследуя контингент дам, сидящих в зале. На мой взгляд, он был никакой.

– Как что? – меланхолично, на своей обычной волне, пояснил приятель, – это означает, мой друг, что мы выпьем её много и последствия этого трудно предсказуемы. Меня уже сейчас гложут дурные предчувствия.

– Ты меня пугаешь, давай-ка ещё по одной, за светлое будущее.

Мы чокнулись и выпили. Водка действительно имела сладковатый привкус. За соседним столиком скучали два молодых человека лет тридцати. Наблюдая за тем, с каким энтузиазмом мы опрокинули первые две рюмки, один из них, тот, что был повыше ростом, не выдержал и подошел к нам:

– Ребята, – сказал он, – у вас неплохо получается, не будете против, если мы присоединимся?

Мы с Толей переглянулись.

– Да, собственно, особых возражений нет, – задумчиво начал я, – а почему, pardon, пьём в одиночестве? Я имею в виду, почему без девочек?

Парень хищно улыбнулся:

– Вопрос принят и, более того, понят. Причина проста как дверные петли: наши жёны из одного города, вчера они уехали к детям, оставив нас на произвол судьбы.

– Господи, как тесен мир, – со вздохом произнёс Толя, – я буду чувствовать себя одиноко в вашей компании.

– Что, не женат ещё? – спросил, подсаживаясь к нам, высокий парень, – а чё так? Такой умный, или просто повезло? Кстати, Сергей моё имя.

Его приятеля звали Женя, мы тоже представились. Официантка, которая к этому времени уже охотно откликнулась на имя Зайка, перенесла их заказ на наш столик и праздник жизни начался.

Быстро покатилося время. Наши новые знакомые оказались чрезвычайно компанейскими парнями с хорошим прошлым и довольно богатым воображением. Они, как и мой приятель, окончили физтех соседнего университета, как и мы также давно не отрывались в мужском обществе, поэтому веселья за нашим столиком в полной мере хватало для всех, кто мог нас слышать и видеть, то есть для всего ресторанного зала. К нам начали подходить совершенно незнакомые люди просто так, чтобы выпить за компанию. Потом материализовались музыканты, и Анатолий с парнями стали петь популярные песни, а зал с удовольствием им подпевал. Я же, обладая уникальным в своём роде полным отсутствием слуха, не без успеха дирижировал этим хором мальчиков, чем тоже сорвал немало заслуженных аплодисментов.

Водка продолжала оставаться сладкой. К вечеру я поймал себя на том, что мысли приходят ко мне случайно, какими-то обрывками, а чувство самосохранения всё громче стучится в мою затуманенную алкоголем голову. Собрав в единое целое то, что осталось от

силы воли, я подошёл к нашей официантке и спросил, старательно выговаривая буквы, с трудом собранные в слова и предложения:

– Зайка, тебе не кажется, что наше пребывание здесь как-то затянулось?

Она улыбнулась:

– Да, ребята, вы славно погуляли, ничего не могу сказать, давно так не было весело в нашем заведении. Но мой вам совет, завершайте праздник, как раз самое время. Принести счёт?

– Давай, золотце, огорчи нас, а я пока соберу парней.

Дальше я смутно помню сложную процедуру оплаты счёта, бурные проводы, поиски такси и не сразу удавшуюся попытку объяснить, куда следует везти нас с Толей, круглые глаза Веры Исааковны, благодатное ощущение постели, вращающийся по часовой стрелке мир и сладкий мрак забвения.

Проснулся я утром, когда часы показывали восемь. Дом был наполнен тишиной. В комнату проникали яркие лучи солнечного света и по их интенсивности можно было понять, что за окном, слава Богу, хорошее осеннее утро, а не вечер. Во рту ощущался сложный привкус вчерашних сигарет, водки и грибочков с луком. Голова же была на удивление кристально чистой и пустой. Молодой организм словно высох после вчерашнего веселья и срочно требовал воды, как можно быстрее и как можно больше этой живительной влаги. Я поднялся, с огорчением обнаружил, что спал, не раздеваясь, и пошёл на кухню.

Кран, к которому я попытался припасть пересохшим ртом, удушливо захрипел, отплюнулся каплей воды и затих. Это было неожиданно, но поправимо, поскольку на газовой плите стоял чайник. Я взял спасительный сосуд за ручку и пил до тех пор, пока его содержимое полностью не перешло в мой организм. Так вода после ливня бесследно уходит сквозь трещины в иссохшую землю. С каждым глотком жизнь неотвратимо возвращалась ко мне. Наконец, с облегчением вздохнув, я поднял глаза и увидел сына нашей хозяйки Сашку Синберга, стоявшего в дверях и с улыбкой наблюдающего за процессом моей реанимации.

– Привет, коллега, – бодро произнёс он, – как жизнь?

Семья моей жены последние лет десять провела на Западной Украине, где обращения «коллега» и «коллежанка» были очень популярны.

– Привет, коллега, – хрипло ответил я ему, – спасибо, понемногу налаживается.

– Что, вчера славно погуляли?

– Да, в целом, неплохо, хотя конец праздника я припоминаю как-то смутно.

Послышался топот детских ножек, и на кухню вбежала Эля – пятилетняя дочь коллеги.

– Папа, – сообщила она, – а ты знаешь, что у нас в гостиной спит дядя с бородой под носом?

Тут я припомнил, что вместе со мной вчера приехал и Толя, чьи роскошные усы привели в состояние восторга маленькую девочку. Боже мой, представляю состояние нашей хозяйки, когда перед ней, на ночь глядя, возникли два весёлых молодых человека. Скрипнула дверь соседней комнаты и к нам присоединилась и сама Вера Исааковна. На её лице была лёгкая улыбка, означавшая, что грозы не будет.

– Доброе утро, – сказала она.

Я поздоровался и тут же предусмотрительно добавил, что мы больше не будем.

– Знаю я вас, – ответила мудрая женщина, – а где второй?

– Я здесь, – послышался голос Анатолия. Он вошёл весь в измятом костюме, но как всегда вальяжный и слегка томный.

– Вера Исааковна, – произнёс Толя чуть севшим голосом, – мы с Александром просим принять наши глубокие извинения по поводу вчерашнего вторжения и заверяем, что подобное никогда больше не повторится.

С этими словами он склонил голову перед нашей хозяйкой и элегантно поцеловал ей руку. Подобного действия со стороны мужчин она не видела последние лет двадцать, поэтому мы были прощены мгновенно и навсегда.

– Простите, – продолжал Толя, – а нельзя ли мне попросить воды?

Чайник был пуст, я скромно потупил глаза, движимый состраданием к ближнему, воду принёс коллега Синберг. Толя махом выпил не меньше литра и вздохнул с облегчением:

– Хорошо-то как, господи, – произнёс он.

– Вера Исааковна, – спросил я, – а что с водой? Я, конечно, догадываюсь, куда она могла подеваться при таком специфическом контингенте местного населения, но хотелось бы знать, как долго она будет отсутствовать?

Лицо Веры Исааковны приобрело скорбный вид:

– Прорвало трубу и воду пришлось перекрыть, а впереди ещё три дня праздников, слесарей не найти. Что делать, ума не приложу.

Отсутствие привычных радостей жизни, таких как свет, вода, канализация, всегда действует угнетающе. Нужно было что-то предпринимать.

– Коллега, – обратился я к Синбергу, – а, что, хомут мы сможем наложить на трубу.

– Да, запросто, – ответил тот.

– Вера Исааковна, – продолжил я, – скажите, местное население согласится как-то оплатить труд двух инженеров, если они вернут воду в дома.

Я сказал двух, потому, что Толя питал отвращение к любого рода физической деятельности и годился только в качестве идейного вдохновителя. Глаза хозяйки дома вспыхнули:

– И что, вы сможете это сделать?

– Вера Исааковна, – несколько оскорбился я этим вопросом, – вы имеете дело с серьёзными людьми, желающими заработать пару рублей в свои законные выходные дни. С такими вещами, знаете ли, не шутят.

– Я сейчас, ждите меня, – сказала она и исчезла.

При росте не более ста пятидесяти сантиметров Вера Исааковна умело руководила домом и пользовалась непререкаемым авторитетом в его окрестностях. Все соседи считались с её мнением. Она была строга, но лишь немногие догадывались, что при этом она имела удивительно мягкое сердце. Как-то дядя Тевель, её муж, купил индюшонка, имея конечной целью вырастить его, а когда тот станет взрослой птицей, привнести в семейный бюджет пару десятков свежего диетического мяса. Мысль всем показалась неплохой. Индюшонок быстро рос и вскоре не без основания стал считать Веру Исааковну своей мамой, поскольку она его кормила, она его ласкала, она с ним разговаривала и, как она же утверждала, более благодарного слушателя в её жизни никогда не было. Прошло какое-то время, и птичка стала взрослым индюком, ростом чуть меньше своей хозяйки. Назвали его, естественно, Изя.

Словно собачонка ходил он вслед за ней в магазин, к соседям, бродил по двору, пугая беспризорных собак. Со стороны это было забавное зрелище: маленькая седая женщина и большая птица со специфической внешностью, медленно бредущие по улице. О том, что это два десятка чистого диетического мяса уже никто не вспоминал. Погиб Изя случайно, угодив под автомобиль, который раз в год проезжал по их улице. От судьбы, как говорится, не уйдёшь. Его похоронили, искренне сожалея о случившемся.

Вера Исааковна вернулась довольно быстро.

– Я договорилась, – сказала она, – они сказали, что заплатят по восемь рублей с семьи. Это будет девяносто шесть рублей.

– Иду переодеваться, – ответил на это я, прикинув, что вскоре могу заработать половину своего месячного жалования. Одевая рабочую одежду, я сосчитал жалкие остатки тех

денег, что оставила перед отъездом жена, рассчитывая на моё целомудренное поведение. Грядущий заработок на порядок превышал имеющуюся у меня наличность.

Час времени ушёл у нас на то, чтобы отрыть трубу, наложить хомут на отверстие и зарыть образовавшуюся яму. Несколько оборотов вентиля и невидимый поток воды хлынул к домам взволнованного населения. После этого мы втроём, испросив разрешения у женщин, пошли выпить пива с чувством прекрасно выполненного долга и ощущением резко улучшившегося отношения к жизни. Возвращались мы с коллегой Синбергом домой, когда часы показывали без чего-то там шестнадцать. Шли молча, размышляя каждый о своём. Сашка неожиданно произнёс:

– А неплохо было бы вот так же быстро, как сегодня, заработать много денег. Машину можно было бы купить...

– Да, неплохо бы, – согласился я, – только где они ждут нас, эти бешеные деньги?

– Надо думать, – ответил мой друг.

И мы стали думать.

После случившегося прошло полгода. Работа и повседневные заботы как-то не давали возможности серьёзно заняться денежной проблемой, хотя время от времени мы с коллегой возвращались к этой теме, актуальность которой по синусоиде то возрастала к концу каждого месяца, то падала к его началу. Однажды в середине июня я возвратился с работы домой раньше положенного и обнаружил за столиком во дворе трёх невзрачных мужчин, которые пили водку и неплохо закусывали в присутствии нашей же хозяйки, выполняющей неприличную для неё роль официантки.

– Вера Исааковна, – осторожно спросил я, – кто эти, пардон, плохо воспитанные люди?

Она тяжело вздохнула:

– О, Саша, чтоб вы знали, это таки сантехники. Я решила провести в дом канализацию, чтобы к старости иметь тёплый туалет и ванну. Это была ещё мечта моей мамы, царство ей небесное.

– Хорошая идея, но в таком случае, почему эти на первый взгляд половозрелые мужчины не работают, а пьют вашу водку?

– Саша, вы ещё не имеете опыт за жизнь: чтобы сантехники начали работать, их нужно хорошо угостить.

– Неплохо устроились ребята, – восхитился я, – и, если не секрет, обо что вам станет это удовольствие?

– Это счастье будет стоить мне двести пятьдесят рублей, и я не считаю того, что они съедят и выпьют, чтоб эти люди были здоровы.

Миновало ещё два дня. Сантехники по-прежнему резвились за столом, а во дворе лишь сиротливо темнеющая яма, назначение которой было лично мне как инженеру непонятно, напоминала о великой конечной цели. К концу третьего дня за вечерним чаем я осторожно поинтересовался:

– Вера Исааковна, не знаю, как вам, но лично мне противно смотреть на то, как издеваются над здравым смыслом эти люди. И что, так будет долго продолжаться?

Наша маленькая хозяйка тяжело вздохнула:

– Я бы их убила, будь на то моя воля, но что делать, уже потрачены деньги и очень хочется иметь тёплый туалет.

Мы с Синбергом переглянулись и, видимо, одна мысль в эту минуту пришла в наши головы. Я оставил чашку и озвучил её:

– Вера Исааковна, а что, если эту вашу мечту реализуем мы с Сашей, вдвоём?

– Вы?.. Вдвоём?.. Перестаньте пугать старую женщину. Как вы это сделаете?

– Вера Исааковна, перед вами сидят два инженера, окончившие свои институты с красными дипломами. Уверю вас, мы эту канализацию сделаем, как дважды два. И учтите, при этом половина денег останется в семье, что само по себе уже неплохо.

Хозяйка думала недолго:

– Я заплачу вам триста рублей, лишь бы только не видеть пьяные рожи этих бездельников.

– Да, – остановил я её пыл, – но ещё одно условие: в этом году ранние вишни, и каждый вечер вы нас будете кормить варениками с этими ягодами, причём, без косточек и с сиропом.

– Согласна, – не задумываясь, ответила маленькая хозяйка большого дома, обожавшая это блюдо.

В окрестных домах потом долго ещё рассказывали о том, какие лица были у сантехников на следующий день, когда они слышали, что и в каких выражениях думает о них небольшая и смирная с виду женщина, у которой они подрядились выполнить работу. Это был цимес для зрителей, выражаясь привычным в этих местах языком.

Мы начали с того, что подняли соответствующую литературу и внимательно ознакомились с технологией производства работ при устройстве канализации. Оказалось, что, в принципе, ничего сложного в этом не было: следовало лишь врезаться в проходящую неподалёку городскую систему, выдержать требуемый уклон труб, да соорудить колодцы в местах, где один прямолинейный участок трассы переходил в другой. Установка оборудования на этом фоне труда не представляла. Сделав необходимые шаблоны и прикупив материалы, мы с коллегой осторожно приступили к делу.

Желание увидеть конец работы плюс элементы золотой лихорадки, удваивали наши силы и обостряли ум. Впрочем, как было установлено в процессе приобретения трудовых навыков, никакая теория не может заменить реальный жизненный опыт. Выяснилось, что длина прямолинейных участков трассы не всегда оказывалась кратной длине стандартных чугунных труб. Поэтому их нужно было распиливать на две неравные части. И вот прекрасным субботним днём мы с коллегой, аккуратно очертив мелом границу, по очереди пилим одну из труб пилой по металлу. Процесс оказался достаточно медленным и трудоёмким. Сосед Синбергов, дядя Сёма, кстати, профессиональный сантехник, положив руки на забор и опёршись на них подбородком, внимательно наблюдает за нами. Когда мы, чертыхаясь, распиливаем первую трубу и с тоской смотрим на оставшиеся три, он спрашивает:

– А что это вы делаете? Расскажите старому еврею, только так, чтобы я понял.

Я расслабленно курю, а коллега коротко излагает суть наших занятий.

– И что, много ещё труб нужно пилить?

Синберг молча показывает три пальца. Дядя Сёма отрывается от забора, делает круг через соседний двор и подходит к нам.

– Где нужно пилить? – спрашивает он, уложив на козлы очередную трубу. Сашка показывает на меловую метку. Старый сантехник берёт молоток, и, легко ударяя им по зубилу, проходит вдоль линии. Затем он ударяет по консольно висящему отрезку трубы и тот отваливается ровнёхонько по метке. Мы, внимательно следившие за этой процедурой, не сговариваясь, поворачиваемся друг к другу и синхронно произносим:

– Чугун-то ведь хрупкий материал, на фиг было его пилить! Вот идиоты!

Дядя Сёма усмехается и спрашивает:

– А вы где работаете?

Мы отвечаем.

– И что там платят за такую работу?

Мы не стали скрывать, хотя было несколько неловко, особенно мне. Синберг получал вдвое больше, чем я, с раннего утра и до поздней ночи вкалывая заместителем начальника электроцеха на вагоноремонтном заводе.

– Сколько? – искренне удивляется профессиональный сантехник, – так эти люди, похоже, смеются над вами. Идите ко мне в бригаду, пацаны. Я давно за вами наблюдаю и вижу, что из вас таки будет толк. Вы умеете работать и не бухаете, как слепые кони. Четыреста в месяц я вам гарантирую, а там как Бог даст, а он, если вы всё ещё не в курсе, всегда на нашей стороне.

В этом месте я бы мог с ним поспорить, но не стал. Мы с Синбергом лишь переглядываемся и обещаем подумать, заранее зная, что безнадежно испорченные образованием и идеологией, никуда уже не свернём с однажды избранного пути.

Мечта Веры Исааковны была реализована за две недели. Скрывая слёзы, она спустила воду в новеньком унитазе, включила душ. Всё работало, как часы. Наградой нам стала огромная внеочередная миска вареников с вишнями, политых душистым сиропом. Тогда возможности наших организмов были таковы, что вовсе не количество пищи было ограничивающим фактором, а лишь недостаток времени на её употребление. Боже мой, какое это было время!

Жене я вручил скромную пачку денег, что являлось, с одной стороны, солидным вкладом в наш скромный бюджет, а с другой, поднимало мой престиж, как главы семьи, умеющего запросто срубить неслабые деньги.

В одном из отделов нашего НИИ работал симпатичный парень по фамилии Дышлок, которого в силу обстоятельств тоже звали Александром. Познакомились мы с ним на осенних хозработках. Как-то весной я рассказал ему о проблеме с деньгами и желании заработать их много, но быстро. В ответ на это он сообщил, что в бытность свою студентом он часто вкалывал на различного рода шабашках и зарабатывал при этом очень даже неплохие деньги. Кстати, в настоящий момент он тоже испытывает финансовые затруднения в связи с ремонтом недавно приобретённой квартиры, и, если есть такое желание, ему не сложно подыскать работу в одном из окрестных сёл. Скоро отпуск, и при соответствующей компании трудолюбивых парней можно было бы поднять нормальные деньги, так завершил он свою речь. Я ответил, что по состоянию на настоящий момент нас уже как минимум трое, зовут всех Александрями, так что успех мероприятия гарантирован уже только по одной этой причине. Оставалась одна малость: найти работу. На это он заметил, чтоб я не парился: эта часть проблемы остаётся за ним.

Саша оказался человеком слова, и к началу августа, оформив свои отпуска, мы отбыли осваивать наше Эльдorado, которое находилось в одном из сёл километрах в восьмидесяти от города. Вера Исааковна провожала единственного сына так, как не провожают новобранцев на войну. С меня было взято слово вернуть ей Сашу в том же состоянии, в каком он уходил из дома. Кроме троих Александров, в команду входил рассудительный Юра – одногруппник Дышлока по университету, отличающийся флегматическим устройством характера и лёгким заиканием, и Коля – человек без видимых достоинств и признаков отличия, тоже сотрудник нашего НИИ, имевший, по его словам, опыт работы со столярным инструментом. И вскоре привычный городской пейзаж остался в шлейфе пыли позади автобуса, уносящего нас навстречу неизвестности.

Село Нычково против ожидания оказалось довольно большим поселением. В нём было около тысячи домов и большое животноводческое хозяйство, специализирующееся на разведении свиней и коров. Главный инженер колхоза, довольно молодой, но уже лысоватый и хорошо упитанный мужчина, узнав, что перед ним сотрудники НИИ, долго и нудно рассказывал нам о том, каким должен быть угол наклона пола, чтобы жидкая фаза отхода свиней стекала в нужном направлении, обеспечивая тем самым для животных требуемый уровень комфорта. Интересовался, имеем ли мы нужные знания в области фильтрации, и был в шоке, когда понял, что мы новички в этом деликатном деле. В итоге мы ушли от него в твёрдой уверенности в том, что доверия к нам не было и на копейку. И если бы не крайняя нужда

в рабочих руках, то нас ни за что не допустили бы работе, требующей особых, я бы даже сказал герметических, знаний в области естественного перемещения свиных фекалий.

Итак, нам предстояло отремонтировать свинарник. Для этого нужно было полностью перестелить полы в загонах, покрасить ограждения, побелить стены и потолок, а также мимоходом заменить разбитые стёкла в оконных рамах. Ширина этого неслабого сооружения составляла метров двадцать, длина – сто. За это по договору колхоз обязался выплатить нам десять тысяч рублей независимо от продолжительности выполнения работ.

Поселившись в общежитии и познакомившись с бабой Маней, в чьи обязанности входило кормить нас ежедневно обедом, мы отправились на осмотр объекта. В качестве экскурсовода выступила симпатичная женщина, которая заведовала всем животноводческим комплексом и, как утверждали местные недоброжелатели, находилась в нежных отношениях со столь холодно принявшим нас главным инженером. Узнав об этом, мы решили, что со вкусом у неё явно были большие проблемы.

Свинарник, буквально накануне освобождённый от своих постояльцев, произвёл на нас неизгладимое впечатление, граничащее с экстазом. Такого количества свежего дерьма, собранного в одном месте, я в своей жизни никогда не видел ни до того, ни после. Под ногами, нагло волоча хвосты, бродили непуганные крысы, размером с хорошую кошку. От стойкого запаха фекалий першило в горле и ужасно хотелось пить. Я сразу понял, что большие деньги лёгкими не бывают, и, как ни странно, эта простая мысль привела в состояние равновесия окружающую нас обстановку и сформировавшиеся к этому времени эстетические ценности. Нужно было приступать к работе, объём которой на первый взгляд казался запредельным.

Прежде всего, мы сорвали и вывезли остатки старого настила и весь мусор со свинарника. Этим были достигнуты два положительных момента: во-первых, распуганы все крысы и, во-вторых, чётко обозначился объём работы. Мужики с Западной Украины, одновременно с нами подрядившиеся на ту же работу в соседнем равноценном помещении, за это время только начали разбирать настил. Увидев такое рвение, они пытались вызвать к нашей совести, но потом поняли, что их не слышат и оставили эти бесплодные попытки.

Затем мы освоили пилораму, где опытный Сашка Дышлок научил нас превращать брёвна в необрезные доски, которые на следующем этапе уже с помощью циркулярной пилы превращались в аккуратные, обрезанные с четырёх сторон одинаковой длины доски для настила. Синберг, разбирая старый хлам в сарае неподалёку, обнаружил недействующую установку для побелки стен. Будучи электриком по образованию и одновременно представителем нации, умеющей делать и считать деньги, он быстро понял, что момент их получения можно существенно приблизить, заменив ручную побелку механической. За короткое время перерывов в работе он тайно починил бездействующий механизм и опробовал его. Эффект был потрясающий. После этого стало ясно, что за две недели, работая по шестнадцать часов день без выходных, наш отряд сможет выполнить эту лишённую облагораживающих элементов работу.

Мы, вооружённые реанимированным механизмом, быстро побелили стены и потолок, вручную покрасили ограждения загонных и приступили к самой трудоёмкой процедуре устройства лаг и укладке настила. Потянулась монотонная работа с молотком и гвоздями в руках.

Очень хотелось есть. Баба Маня кормила нас один раз в день. Кто решил, что реставраторам свинарников чужды завтрак и ужин, мы не знали, но если бы нам довелось увидеть этого лишённого чувства юмора человека, то, уверяю, ему не удалось бы уйти живым. Обед представлял собой неслабую миску супа, в котором в качестве второго блюда плавал кусок жилистого мяса. Попытки выяснить, кому при жизни принадлежала эта белковая масса, ни к чему не привели. Завершался приём пищи кружкой напитка, который наша повариха почему-

то называла чаем, хотя тот даже цветом не походил на этот благородный напиток, не говоря уже о его вкусе. Вся посуда была алюминиевой. Как позже выяснилось, баба Маня её не мыла, а просто вытирала тряпкой сомнительного происхождения. На наше замечание она резонно заметила, что всё равно сюда наливают горячее, так зачем мыть?

А супчик действительно был горячим. Когда мы впервые увидели на столе огромные тарелки с этим блюдом, то решили, что температура его близка к среднесуточной. Ни струйки пара не поднималось над поверхностью этих маленьких лоханок. Но хлебнув первую ложку их содержимого, мы дружно отплюнулись, переглянулись и молча пошли ставить свои миски в лужу возле крана. Под тонким слоем расплавленного жира температура варева была близкой к точке кипения. Есть это было просто невозможно, да ещё в такую невыносимую жару, которой отличался тот август.

Особенно страдал Сашка Синберг, который вообще любую пищу употреблял исключительно в холодном виде. Все наши попытки объяснить бабе Мане, что готовить нужно хотя бы за час до нашего прихода, успеха не имели. Ей совершенно были непонятны наши городские заморочки. «З жиру хлопцы бисяться», – так объясняла она всем наши претензии.

Через десять дней трудовой эпопеи мы приобрели жёсткие мозоли на ладонях, необыкновенную стройность фигур и опасный блеск в глазах, который усиливался при виде любой еды, лишь бы только она не была приготовлена шаловливыми руками нашей поварихи. Особенно настораживал тот факт, что естественной в таком возрасте тяги к женщинам не ощущалось вообще. Правда, опытный Дышлюк, подводя итог обсуждения этой жизненно важной темы, сказал, чтобы не брали в голову, мол, при такой работе и таком изощрённом питании это более, чем естественно. «Начнём нормально питаться и всё пройдёт, мужики, как с белых яблонь дым», – сказал он философски, лёжа в перерыве на новеньком настиле и пуская кольцами сигаретный дым.

– Если не п-помрём к тому времени – слегка заикаясь, вернул всех на грешную землю Юра, – я тут вот о чём подумал. В ста метрах от нас, если доверять обонянию, находится коровник. В нём, следуя логике, должны быть коровы, а где они, там и доярки, там же, следовательно, и молоко. Господа, вы следите за причудливыми изгибами моей мысли?

Я сел на полу в позе турка и обвёл всех лежащих осмысленным взглядом:

– Коллеги, туда должен пойти Дышлюк...

– А чё это чуть что, так сразу я?

Из нашей пятёрки только Сашка Дышлюк при довольно высоком росте обладал особой внешностью начинающего аскета. Мне кажется, что именно так должны были выглядеть библейские патриархи в начале своего жизненного пути. Довольно тяжёлый труд последних дней, ограничения в питании и борода, которую он начал отпускать, лишь усиливали это сходство. Большие карие глаза горели изнутри. Их голодный блеск посторонние ошибочно принимали за огонь просветления, а иные старушки при его появлении осеняли себя крестным знамением и даже норовили приложиться к руке. Я сразу понял, что появление такой фигуры на ферме, где работали впечатлительные дамы из местного контингента, не должно было остаться незамеченным, а уж тем более безрезультатным.

– Саша, – сказал я ему, – поверь моему опыту, только ты сейчас можешь спасти нас от голодной смерти, а, соответственно, и наше мероприятие от полного краха. Дуй на ферму и не возвращайся без молока, а мы пока смотаемся в магазин за хлебом. Он в любом случае не будет лишним.

Дышлюк молча встал, обвёл нас взглядом идущего на смерть человека, взял пустое ведро и отправился в соседний коровник покорять мастериц машинного доения. Минут через сорок он вернулся с лёгкой улыбкой в своих бездонных глазах. В одной руке он нёс ведро молока, в другой – небольшой трёхлитровый бидон.

– Хорошие девушки живут в этом селе, – вынес он приговор, – дали бидончик сливок и ведро молока. Взамен просили, если сможем, посмотреть их неработающий кормораздатчик.

– Разумный обмен ценностями, – заметил Юра, ополаскивая под краном банку из-под майонеза, – не будем тянуть резину, кто хочет п-первым отведать сливок?

Я любил молоко и не мог представить свою жизнь без этого продукта. Синберг не пил его вообще, о пристрастиях других членов команды я попросту не знал. Короче, мы не пошли вкушать опостылевший обед, приготовленный руками бабы Мани, а взамен под три булки черного хлеба практически опустошили бидон сливок. При этом я выпил четыре, Синберг, преодолевая отвращение, две, остальные осилили по три двухсотграммовые баночки. Никому и в голову не пришла мысль о том, что это не те сливки, которые мы привыкли покупать в наших магазинах. По сути это было жидкое сливочное масло. Из нас пятерых только мой организм оказался готовым к такому биологическому удару. Остальные участники оргии через полчаса сидели, согнувшись в три погибели, впервые осознав на личном опыте, что такое настоящая печёночная боль. Поругиваясь сквозь зубы, я в одиночестве продолжал стелить полы в злополучном свинарнике.

В комнате на пятерых мне выпало спать у окна. Эта ночь показалась слегка нервной, поскольку с регулярностью в полчаса кто-то из команды срывался с постели, с выпученными глазами прыгал через меня в окно и рысью мчался к туалету. Обратный путь тоже пролегал через мою койку. К утру все страдальцы дружно решили, что лучше помереть от супа бабы Мани, чем от поноса.

Ведро молока, прикрытое чьей-то рубахой, словно мусульманская девушка чадрой, сиротливо стояло в углу. К вечеру Коля вспомнил о нём и приподнял, выражаясь высоким стилем, вуаль завесы. Ведро было до краёв наполнено великолепной простоквашей. Вот тут-то мы и оттянулись, разбавив наше убогое меню вначале свежим молочнокислым продуктом, который в отличие от сливок не давал побочных эффектов, а затем следующей его стадией, пропустив скисшее молоко через практически чистую майку Дышлюка. Творог после этого приобрёл специфический, можно даже сказать пикантный, вкус.

Это был первый по настоящему светлый момент в нашей трудовой эпопее. Вторым, не менее запомнившимся событием, стало окончание работы в славном селе Нычково. Мы, раздражённые регулярными наездами главного инженера, не афишировали свои трудовые успехи. Сообщив заведующей комплексом о том, что завтра готовы показать комиссии выполненную работу, мы за ночь заменили разбитые стёкла, покрасили в качестве бонуса ворота и были готовы сдать девственно чистый свинарник в эксплуатацию. За эти две недели наши коллеги из Западной Украины, работая параллельно, успели только лишь разобрать старый настил.

Прибывшая к девяти часам комиссия во главе с руководителем инженерной службы с удивлением осматривала результаты ремонта. Главный инженер в силу пакостного характера пытался найти огрехи в работе, но замолк, резко одёрнутый заведующей фермой. Акт приёмки-сдачи был безоговорочно подписан, а нам было предложено отремонтировать всё, что только можно было найти пригодное для восстановления в этом селе. На это мы ответили мягким отказом, сославшись на отсутствие знаний в области отфильтровывания жидкой фазы фекалий домашнего скота. Главный инженер при этом молчал и избегал смотреть в сторону заведующей фермой, предчувствуя нелёгкий вечерний разговор со своей подругой.

Никто из них не знал, что за время работы над восстановлением свинарника Сашка Дышлюк в селе неподалёку нашёл новый объект для удовлетворения наших финансовых запросов. Там предстояло подштукатурить и покрасить элеватор. Собрав свои нехитрые пожитки и вкусив напоследок обед бабы Мани, мы отбыли к новому месту работы.

Директор элеватора, невысокого роста мужичок с бегающим взглядом, не стал выяснять уровень наших знаний в области наружной покраски высотных зданий. Он только лишь

поинтересовался уровнем отката и, удовлетворённый ответом, спросил, приходилось ли нам работать с силикатными красками. Сашка Дышлюк, представлявший интересы команды, на это лишь возмущённо повёл плечами, что должно было означать, будто мы родились среди этой группы красящих веществ. Ответ директора удовлетворил, договор, по которому мы должны были получить за работу шестнадцать тысяч рублей, подписан, и мы отправились осваивать сарайчик, который стыдливо назывался общежитием для рабочих. Рядом с ним находился колодец с кристально чистой и необыкновенно вкусной водой. Здесь можно было умываться. Коробка туалета, стоявшего в густых зарослях травы, была, по общему мнению, при нашем уровне питания совершенно лишним архитектурным элементом.

Эlevator произвёл на нас суровое впечатление, прежде всего, своими размерами. Центральная башня его возвышалась над землёй метров на шестьдесят, примыкавшие к ней силосы имели высоту где-то около тридцати метров. Задумчиво стояли мы у подножья этого колосса, размышляя каждый о своём. Общее мнение, прикуривая сигарету, выразил Юра:

– П-приехали, – сказал он, – как-то жить вдруг захотелось, а я ко всему ещё и высоту не переношу.

– И я, – добавил Коля, – к тому же у меня от этой работы уже геморрой разыгрался.

– Синберг вообще отпадает, – внёс я свой вклад в обсуждение проблемы, – если, не дай Бог, с ним что случится, Вера Исааковна меня просто убьёт.

– Значит, красить будем вдвоём, – подвёл итог дебатам Сашка Дышлюк, – я буду первым, а там посмотрим.

Припомнив полученные в университете знания в области сопромата, мы рассчитали и сварили люльку, которую через блок подвесили к консоли, закреплённой на кровле здания. Согласно расчётам, для того, чтобы выдержать вес люльки, человека и материалов достаточно было иметь трос диаметром пять миллиметров. При этом запас прочности составлял не меньше трёх. На складе такого диаметра, слава Богу, не оказалось и пришлось довольствоваться десятимиллиметровым тросом, что было вполне разумно.

Из нормировочника мы узнали рецептуру состава силикатных красок, отремонтировали машину для нанесения этих самых красок, и вскоре были готовы к началу непосредственных работ по штукатурке и покраске элеватора.

Саша залез в люльку, стоявшую на земле, и мы начали вращать ручку лебёдки, медленно поднимая его к кровле силоса. Вскоре он помахал рукой, Синберг включил машину, и первые квадратные метры поверхности элеватора расцвели нежным цветом листьев раннего салата. В этот день люлька дважды взмывала в небо и дважды опускалась на грешную землю. Несложные расчёты показали, что, если карта ляжет хорошо, то при столь низких темпах работа будет закончена где-то к ноябрю. Такая арифметика привела нас в состояние лёгкой депрессии. Стало ясно, что нужно что-то предпринимать, но никто не мог понять, как оно выглядит, это «что-то».

Решение пришло неожиданно, когда наш предводитель был вынужден оставить покраску нового объекта и отправился в село Нычково получить деньги за ремонт свинарника. Посоветовавшись, мы решили изменить технологию работ. Ранним утром, когда солнце тёплым светом залило ещё дремлющие окрестности, я по внутренней лестнице поднялся на кровлю и, перекрестившись, через ограждение перелез в висящую подо мной на тротике пустую люльку, которую ребята быстро подогнали к этому времени. Вниз я старался не смотреть, сказать честно, было страшновато. Вскоре заработал распылитель, и первые капли краски мягко легли на цементную поверхность. Через два часа люлька, чуть вздрогнув, коснулась земли. Не теряя времени два человека наверху передвинули консоль в новое положение. Я снова по лестнице бегом поднялся наверх, где на сорока метровой высоте меня уже ждала, чуть покачиваясь, пустая люлька.

Позже вечером Сашка Дышлюк рассказывал:

– Еду из села, смотрю, ни фиги себе, одну сторону силоса уже покрасили. Еду обратно и, глазам не верю: вторая сторона тоже покрашена. Ну, молодцы, коллеги! А я наши денежки получил, но сюда не стал везти, решил, что дома они будут как-то целее.

После этого работа резко ускорилась. Я так и остался на покраске, остальные занимались штукатуркой и подготовительными работами. Быстро летели похожие друг на друга дни, каждый из которых начинался в пять утра и заканчивался в десять вечера. Мы дополнительно утратили в весе, а Дышлюк стал ещё больше походить на Христа в молодости. У Синберга лопнули последние пригодные для носки брюки, и он носил, по сути, две отдельные никак не связанные между собой штанины, привлекая нездоровое внимание женской части работников элеватора. Юра и Коля стали походить на резиновые шарики, из которых выпустили чуть больше, чем следовало воздуха. На обычные в начале трудовой эпопеи шутки не оставалось ни сил, ни времени.

Но всё в этом мире когда-то заканчивается, подошла к концу и наша работа. На фоне безупречно голубого неба высился элеватор, выкрашенный в не менее безупречный цвет листьев свежего салата. Мы сфотографировались на его фоне, как-то без проблем получили наши деньги и ровно за день до окончания отпуска вернулись домой.

Вера Исааковна ахнула, увидев исхудавшего сына, и только то, что он вернулся без видимых травм, а сам я выглядел не лучше, спасло меня от неминуемой кончины. Впрочем, узнав, сколько мы заработали за месяц, она быстро пришла в хорошее настроение и принялась откармливать нас с усердием истинно еврейской мамы.

Жены не было дома. Её работа в техникуме по затратам времени сильно напоминала нашу на элеваторе, чего нельзя было сказать об уровне оплаты труда юного преподавателя экономических дисциплин. Полученные деньги, чуть более двух с половиной тысяч, я, не найдя лучшего места, положил в кастрюлю и поставил её на стол. Выданные нам пяти рублёвыми купюрами, они заполнили посудину доверху.

Я лёг на кровать, закрыл глаза, ощущая в животе непривычную тяжесть еды, и представил, как она придёт, обрадуется, увидев меня, и спросит, как дела. Я же небрежно так отвечу, что неплохо в целом, жив, как видишь, и заработал малость: посмотри, мол, там, в кастрюльке. Она откроет крышку и очень удивится, увидев её содержимое. А вечером мы пойдём в кино. С этой мыслью я и уснул, а когда проснулся, то была уже середина следующего дня.

За окном светило солнце, а на столе лежала записка: «Ты просто молодец: это же пропасть денег! Обед на кухне. Целую». Я прочитал, улыбнулся, вспомнил начало этой истории и подумал, что реально бешеные деньги таки существуют, но путь к ним не так прост, как это видится вначале неискушённому в жизни человеку.

На работе, куда я вернулся после отпуска, все нашли меня слегка посвежевшим.

Надеюсь, мне удалась попытка развлечь Вас, дорогая Матильда. Напишите мне, что думаете Вы об этом. И вообще, если уж я решил придать моим письмам повествовательный оттенок, почему бы Вам, имея филологическое образование и опыт преподавательской работы, не стать литературным критиком моих любительских упражнений? Я был бы Вам очень признателен. Подумайте об этом.

С нетерпением жду ответного письма.

Днепропетровск, 14 января 2012 года

Ваш А.Н.

3. Очарование весны (Письмо третье к несравненной Матильде)

Дорогая Матильда! В настоящее время я нахожусь в Трускавце, где пью местную минеральную воду под названием «нафтуса», принимаю в своём санатории полезные для здоровья процедуры, а в свободное время просто брожу по окрестностям. Я люблю этот маленький курортный городок. Люблю за необычную для наших мест архитектуру, за уют тесных улочек и парков, за беззаботную атмосферу, позволяющую забыть на время суету больших городов.

Трускавец располагает к себе в любое время года, но особенно он хорош весной, когда оживает после зимнего сна природа, а вместе с ней и люди, которые вдруг начинают замечать, что мир вокруг неуловимым образом меняется, пробуждая позабытые в каждодневной суете чувства. Такие, например, как те, что нашли отражение в двух небольших рассказах ниже. Не скрою, интересно будет узнать Ваше мнение о том, в какой мере удалось мне передать те ощущения, что испытал когда-то я сам, наблюдая, слушая и перенося всё это впоследствии на бумагу.

3.1. Апрельский этюд

На смену зимнему пейзажу с окутанными снегом деревьями пришла нежная акварель весны.

Артур Голден. Мемуары гейши

От санатория к нижнему буюету можно идти разными путями, но лучше всего через старый парк. Так и ближе, и интереснее. Вымощенная светло-серыми плитами дорожка за оградой круто поворачивает влево и неторопливо устремляется вниз мимо склона, покрытого аккуратно подстриженным газоном с изумрудной травой и одиноко растущими деревьями. Затем на её пути встречается мостик, перекинутый через весело журчащий ручей. В нос ударяет лёгкий нефтяной запах, присущий местным минеральным водам.

Слева в выложенной камнем чаше находится небольшой источник с водой, которая содержит довольно много глицерина. Согласно местной легенде, умывшись в нем, женщины обретают вторую молодость, а некоторые, что скрывать, даже первую. Отдыхающие дамы знают об этом и рано утром приходят сюда совершить таинство омоложения. Если в это время к источнику молодости случайно забредёт мужчина-шатун и остановится в шоке, ослеплённый наготой женских тел, его встретят дружным поощряющим визгом. Незабываемое это зрелище останется в его травмированном сознании на всю оставшуюся жизнь, и когда-нибудь, вспомнив напоследок увиденное, он уйдёт в лучший мир со счастливой улыбкой на губах.

За мостиком вы инстинктивно бросаете взгляд на родник с молодильной водой, но, пересилив себя, поворачиваете вправо и окунаетесь в прохладу старого парка с его более, чем столетней историей. В незапамятные времена эти места принадлежали Речи Посполитой. Шляхетное панство со всей Польши съезжалось сюда попить целебную воду, поправить здоровье и просто пообщаться. В центре парка расположен памятник Адаму Мицкевичу, поставленный благодарными соотечественниками. Вокруг памятника разбиты клумбы, стоят скамейки. Поэт почему-то обращен лицом к невзрачному деревянному строению, выкрашенному в зелёный цвет, изначальное назначение которого скрыто в глубине времени. На моей памяти оно служило бильярдной, затем прибежищем местных коммунальных служб, а сейчас и вовсе имело окончательно заброшенный вид. Впрочем, это не

мешало образцу местного деревянного зодчества иметь табличку «Памятник архитектуры XVIII века. Охраняется законом».

В благодатной тиши, слегка разбавленной птичьим щебетом, на скамейках сидят отдыхающие, читают книги, газеты или просто нежатся под ласковым апрельским солнцем. Умытая недавним дождём, уютно смотрится скульптурная группа, к которой с трёх разных сторон сбегаются дорожки и от неё же убегают прочь. Неподалёку девушка играет на кларнете. Грустная мелодия мягко разливается вокруг и словно сигаретный дым растворяется в кронах деревьев.

Природа просыпается от надоевшей зимней спячки с какой-то неистовой силой. Склоны местности уже сплошь покрыты мелкими голубоватыми цветами неизвестного названия. Деревья, как бы соперничают друг перед другом, демонстрируя самую свежую, самую яркую листву, на какую только способны. На площади за парком расцвела магнолия, сакура, на клумбах ярко желтеют нарциссы и красуются тюльпаны. Старушки ненавязчиво предлагают вам перевязанные нитками букетики пролесков. Они пахнут лесной свежестью, пробуждая в душе лёгкое волнение.

Всё вокруг пребывает в мире и покое, как это независимо от времени года бывает только в церквах, библиотеках да маленьких курортных городках.

Трускавец, 17 марта 2008 года

3.2. Сиреневый туман

«Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит вечерняя звезда...».

Слова из популярной песни

Лучшее время года для поездки на курорт это май, особенно его начало. Санатории полупусты, поскольку отдыхающих немного: праздники, дачи, огороды. Уже почти полетнему тепло и солнечно, но нет той влажной жары, которая в этих местах свойственна июлю или августу. Вокруг цветёт всё, даже то, что по определению, казалось, цвести не может. Буйство красок, запахов, свежей зелени в состоянии вскружить голову кому угодно, независимо от возраста, пола и социальной принадлежности. По дорожкам терренкуров медленно перемещаются лишённые привычных забот люди, не замечая, что на их лицах блуждает случайная улыбка, как следствие неожиданной внутренней гармонии с окружающим миром.

Я, идя к бювету или на обратном пути, любил остановиться у памятника Адаму Мицкевичу в старом парке. К тому располагало обилие свободного времени и неясное томление духа. Здесь, сидя на скамейке, можно было наблюдать за живописной окрестностью, вдыхая полной грудью весенние запахи, и, наконец, просто расслабиться, радуясь внезапно нахлынувшей свободе. Сказать, что это было хорошо, значит не сказать ничего: ощущение было просто божественным.

В один из таких весенних дней, кажется, это была суббота и всего лишь пятый день моего пребывания на отдыхе, я вошел в парк, готовясь принять дневную порцию воды. Моя привычная скамейка оказалась занятой. На ней расположился молодой мужчина лет сорока с газетой в руках. Я поздоровался, спросил, не помешаю ли, и, получив удовлетворительный ответ, присел на другом конце скамейки, раскрыл свою газету и погрузился в интересную статью, в которой автор, известный российский политолог, весьма аргументировано излагал своё мнение относительно будущего Евросоюза. По его версии оно было неутешительным. Мысленно согласившись с автором, я взглянул на часы. Пора было идти к бювету. В это

время мой случайный сосед, извинившись, поинтересовался, какой у меня номер еженедельника. Услышав ответ, он спросил, не может ли он почитать его. Я предложил ему оставить газету, поскольку она мне уже была не нужна. Мужчина поблагодарил, и мы расстались.

На следующий день утром, случайно встретившись у газетного киоска, мы поздоровались уже как давние знакомые. Курортная жизнь быстро сближает людей то ли вследствие своей краткости, то ли в силу нашей стадной привычки находиться внутри хотя бы небольшого социума. Мы вместе с Виктором, так звали моего нового знакомого, пошли прогуляться по площади в перерыве между приёмом первой и второй воды.

Оказалось, что живёт он в соседнем санатории, и у него, как и у меня, тоже пошёл шестой день пребывания на курорте. Родом Виктор был из Киева, имел университетское образование в области юриспруденции, в связи с чем и трудился адвокатом, специализируясь на хозяйственном праве. Скромно заметил, что считается неплохим юристом и достаточно востребован в этом качестве не только в городе, но и за его пределами. Это объясняло европейское происхождение его одежды, лонжин на руке и выражение лица, свойственное людям, для которых деньги лишь средство для достижения личной независимости.

Так сложилось, что в последующие дни, выходя на приём воды и вечерние прогулки, мы созванивались и вдвоём отправлялись в район нижнего бьюета, чтобы не спеша побродить по городским улочкам или просто посидеть вечером в кафе за рюмкой хорошего местного коньяка. Примерно одинаковый возраст, общность интересов – всё это довольно быстро сблизило нас, и мы получали обоюдное удовольствие от общения.

Тема курортных романов, неизбежная и самая животрепещущая для мужских разговоров везде, а здесь в особенности, несколько раз случайным образом возникала и у нас, но Виктор лишь отшучивался по этому поводу, мягко меняя направление беседы. Я заметил его реакцию и не стал более поднимать проблему взаимоотношений полов на фоне глобальной деградации института брака. Хотя, признаться, это и казалось несколько странным, учитывая его возраст и весьма неслабую, на мой взгляд, мужскую привлекательность. Виктор был из той редкой породы нестареющих мужчин, обладающих каким-то особым шармом, который только усиливается с возрастом, словно магнитом притягивая женские взоры.

Ему часто звонили: сказывались особенности профессии. Извинившись, Виктор хорошо поставленным голосом обстоятельно отвечал невидимым абонентам, постепенно обогащая меня тонкостями своего ремесла. Иногда это была жена, она содержала косметологический салон, или дочь – студентка последнего курса факультета журналистики. Эти разговоры, как правило, не были конфиденциальными и без проблем велись в моём присутствии. Исключение составляли лишь отдельные звонки, настроенные в телефоне на особую тональность. Услышав их, Виктор незамедлительно вставал, отходил в сторону и довольно долго с кем-то общался. В этих случаях он возвращался в несколько ином, приподнятом, состоянии.

Как-то, отойдя, он оставил свой iPhone на столе. Когда тот зазвонил тем самым особым образом, я инстинктивно взглянул на экран и всё понял. На меня смотрела молодая женщина, удивительно похожая на Екатерину Гусеву из культовой «Бригады». Она улыбалась, и это была не просто улыбка. Это была улыбка той самой единственной женщины, которые так редко встречаются в жизни мужчины. Виктор подошёл, взял призывно звонящий телефон и посмотрел на меня. Что-то отразилось в его глазах, наверное, и я по-особому взглянул на него, но только он при мне прикоснулся к сенсору вызова и произнёс:

– Я слушаю тебя, моя радость.

То, как была произнесена эта фраза, лишь подтвердило мои предположения. Это была Она. И это был ничего не значащий разговор двух истосковавшихся в разлуке людей, когда смысл произносимых слов не имеет значения, достаточно лишь слышать голос другого человека. Вскоре Виктор положил телефон, помолчал немного, задумавшись, и предложил

выпить. Я не стал возражать. Официантка принесла нам очередную порцию коньяка, нарезанный тонкими ломтиками лимон. Мы молча чокнулись и выпили. А потом он рассказал свою историю.

Это случилось десять лет назад в этом же курортном городке. Судьба распорядилась так, что они оказались в одной санатории, за одним столом и жили в соседних номерах. Ему тогда было тридцать три, ей на десять лет меньше. Он был женат, дочери было одиннадцать лет. Она была замужем, и у неё тоже была дочь, которой только что исполнилось три года. Родилась она в небольшом городке на западе Украины, родители имели глубокие польские корни, что и определило её имя при рождении – Ванда. Она довольно легко поступила в университет во Львове. После того, как рано вышла замуж за своего одноклассника и родила, вынуждена была перевестись на заочную форму обучения и вернуться домой, где и преподавала в школе английский язык.

Муж, тоже филолог, долго не мог найти работу по специальности и вынужден был определиться водителем грузовика на дальних рейсах. Это спасло семью от финансового краха. Жизнь от бедной и бесперспективной стала медленно меняться в лучшую сторону. Всё это в первую очередь тяжело воспринималось психологически, а от нервов до болезни один шаг. Ванде настоятельно порекомендовали привести в порядок почки. К этому времени семья могла себе это позволить, и в начале октября, оставив дочь и мужа на попечение родителей, она поехала пить минеральную воду.

У Виктора жизнь складывалась куда как более удачно. К этому времени он уже имел хорошую практику и прочное финансовое положение, благодаря наличию богатых клиентов, которым обеспечивал личное юридическое сопровождение в их беспокойной, а порой и небезопасной, деятельности. Эта работа требовала ответственности, больших затрат времени и нервов. Так получилось, что за все эти годы он впервые вырвался в отпуск. Бессонница вымотала его совершенно, и врачи настоятельно рекомендовали уехать куда угодно и просто выспаться. По этому же поводу подняла скандал жена, и Виктор, наугад выбрав курортный город, а в нём санаторий, уехал ранним октябрьским днём, чувствуя себя старым и больным человеком.

Кристально чистый воздух, необходимость ходить к бювету по десять километров в день привели к тому, что первые дни он спал всё свободное от процедур время. И только через неделю за завтраком, подняв глаза, он увидел молодую женщину, сидящую напротив него за одним столом. Она, чуть заметно улыбаясь, смотрела на него, и Виктор внезапно почувствовал, как у него замерло, а затем вдруг быстро забилось сердце, и кровь прилила к лицу. Он как-то неловко улыбнулся в ответ, уткнулся в свою тарелку и, наскоро проглотив потерявшую вкус еду, вышел из-за стола, сославшись на процедуры.

Казалось, сама жизнь толкала их навстречу друг другу и сопротивляться этому не было никаких сил. Она устраивала так, что они одновременно выходили из своих комнат и вынуждены были познакомиться заново, поскольку Виктор, пребывая первые дни в сомнамбулическом состоянии, совершенно не помнил имен соседей по столу. Она сводила их в очереди на лечебных процедурах, сталкивала у бювета с водой, и они, беседуя о всяких пустяках, медленно возвращались по парку в санаторий, на короткое время ставший их домом.

Прошло всего несколько дней, и Ванда стала ловить себя на том, что с беспокойством ищет взглядом отошедшего по какой-то причине Виктора и чувствует удивительный покой, когда он рядом. Из разговоров, которые он вёл по телефону в её присутствии, она поняла, что это человек из другого мира: богатого, сложного, интересного. Того, что всё реже виделся ей в мечтах. Ей было приятно брать его под руку, ощущая тепло и упругость бицепса, ловить на себе внимательные взгляды встречных женщин, приятна была малейшая забота с его стороны.

Виктор же был просто счастлив, как пятнадцатилетний мальчишка, вдруг обнаруживший в своей подружке черты будущей женщины и потерявший голову от этого открытия. В Ванде он находил те особенности женского характера, которые выдумывал в своих редких мечтах и которых, как ему уже казалось, просто не существует в реальном мире. Такого по определению не могло быть в этой жизни. Но она была, была рядом: уютная, тёплая, родная. Ею хотелось дышать и наслаждаться. От этого сладко ныло сердце и было непередаваемо хорошо.

Всё, что произошло с ними дальше, было вполне в духе курортного романа. Были бессонные ночи, полные любви, были длинные прогулки по окрестностям городка, были долгие поцелуи в старом парке под пристальным взглядом польского поэта. Однажды поздним вечером, возвращаясь в санаторий, она вдруг остановилась и потрясённо произнесла:

– Витя, смотри, там туман... сиреневый.

Они замерли. Действительно, в призрачном свете луны вдоль тропинки, поднимающейся вверх, в полной тишине курился сиреневый туман.

– Я думала, такое бывает только в песне, – прошептала она тихо. Он обнял её сзади, прижав к себе, и они долго стояли, боясь нарушить очарование мгновения.

Быстро пролетело время. Заканчивался отпуск, и пора было разъезжаться по своим городам, возвращаться к семьям, к реальной жизни. Они договорились встретиться в будущем году. Виктору было несложно договориться о путёвках в том же санатории.

Медленно тянулся этот год, несмотря на частые звонки друг другу. Но всё компенсировала долгожданная встреча. Виктор приехал на день раньше, чтобы встретить её на вокзале. Это был сюрприз, и радость в её глазах была безмерной. Их ждал впереди месяц невероятной любви. А затем очередная разлука на долгий год.

Так продолжалось десять лет. Они устали от такой жизни, но оба были обязательными людьми. Они договорились, что подождут, пока дети станут достаточно взрослыми, а потом станут добиваться развода и, наконец-то, будут вместе. К этому времени у Виктора состоялся разговор с женой. Женское чутьё трудно обмануть. Она понимала, что с мужем что-то происходит. Виктор догадывался, что жизнь проста, но не думал, что настолько. Оказалось, что у жены примерно та же ситуация, и она давно ищет повод для подобного разговора. Стало как-то легче. Был также долгий разговор с дочерью, она уже была, слава Богу, достаточно взрослой и всё поняла правильно.

Ванда в свою очередь пыталась разрешить эту ситуацию у себя дома. По натуре она была мягким человеком, и сама мысль о том, что по её вине будут страдать окружающие, а это было бы неизбежным, казалась ей ужасной. Но она уже была готова к этому решающему шагу.

Казалось, всё складывается хорошо. Да только за несколько дней до очередной встречи вдруг неожиданно позвонила Ванда. Сквозь слёзы она сказала, что вчера решила на разговор. Они всё обсудили довольно мирно, а утром мужу вдруг стало нехорошо, его госпитализировали, подозрение на онкологию. Оба сразу поняли, что счастье отодвигается. И вот он здесь, она там, и что будет дальше – совершенно неясно.

Мы долго сидели в тот вечер, обсуждая превратности судьбы, и просто молчали. Расстались на развилке, пожелав друг другу спокойной ночи. Я понимал, что спокойной ночи у Виктора не будет.

Следующим утром он позвонил и сказал, что едет к ней. «Будь, что будет. Я больше так не могу», – сказал он, прощаясь. В тот же день, неосторожно наклонившись, я случайно уронил свой телефон в ручей, протекающий под мостиком в старом парке. Заметил пропажу только к полудню, часа через четыре. Телефон я нашёл, но он довольно долго пробыл в агрессивной воде, и база данных была безнадежно утеряна. Я так и смог отыскать Виктора, на курортах не принято представляться полностью при знакомстве. Но я не теряю надежды

найти его и узнать, чем же закончился этот курортный роман, в котором таким сложным образом переплелись две человеческие судьбы. И суждено ли им было хотя бы раз ещё в своей жизни увидеть тот самый сиреневый туман.

Днепропетровск, 21 февраля 2011 года.

Жду Вашего письма, дорогая Матильда, и, прошу Вас, не нужно быть чрезмерно деликатной, оценивая мои упражнения в прозе. Хорошая порция разумной критики безусловно пойдёт мне на пользу. Искренне надеюсь, что Вы и Ваше окружение здоровы, а возникающие жизненные проблемы необременительны и разрешимы.

Всегда Ваш А.Н.

4. Эпизод

(Письмо четвёртое к несравненной Матильде)

Дорогая Матильда! За окном моей комнаты всё ещё буйствует весна, но пройдёт ещё совсем немного времени и наступит лето со всеми его прелестями и недостатками. Люблю я эту пору года и жду с нетерпением, как ждал её и встретил однажды человек, рассказ которого заставил меня задуматься о роли случая в нашей жизни.

Вы никогда не думали о том, что любая случайность, происходящая с нами в настоящем, предопределена огромным количеством событий, произошедших в прошлом, и не только в нашем? Такая случайность может быть незначительной и практически никак не отразиться на судьбе человека, а может стать и знаковым событием, испытанием, после которого жизнь меняется совершенным образом, как изменилась она для парня, попавшего неожиданно для себя в тиски обстоятельств.

Послушайте эту историю, возможно, она покажется Вам интересной.

Боль – это адекватная реакция организма на физическое или психическое воздействие. Апофеоз боли соответствует состоянию, когда физическое воздействие приводит к необратимому психическому нарушению и в итоге сливается с ним.

Заключение, основанное на личном опыте

Очередная попытка уснуть ни к чему не привела. Боль в стопе левой ноги становится всё более ощутимой. Впрочем, экспериментальным путём я установил, что если эту самую стопу положить на колено правой ноги и ритмично её поглаживать, то боль как-бы слегка рассасывается и, в принципе, её можно было терпеть. Я поднимаюсь с кровати. Мои соседи, счастливые люди, спят глубоким сном: кто сам по себе, кто под действием лёгких транквилизаторов. Часы показывают начало второго ночи. В хирургическом отделении, куда меня занесла судьба, тихо. Лишь случайные негромкие звуки в трубах отопления изредка нарушают больничный покой.

Куриль мне категорически запрещено, но в глубине нижнего ящика убогой тумбочки, стоящей возле кровати, таится недокуренная сигарета. Слабый запах табака, неразличимый для некурящего человека, доносится до моего обоняния весь день, усиливая и без того мерзкое состояние души и тела. Я осторожно извлекаю окурочек из его укрытия и с наслаждением, закрыв глаза, вдыхаю полной грудью запах дешёвой сигареты. Мне понятно, что этим я ещё более усиливаю спазм артерий в моих конечностях, но ничего не могу поделать с собой. Всё-таки слаб человек, раб собственных привычек, хотя, с другой стороны, именно слабости делают нас теми, кто мы есть на самом деле – живыми людьми.

В предбаннике туалетной комнаты, которая носит громкое название манипуляционной по той причине, что здесь иногда ставят клизмы предоперационным больным, кроме меня находятся ещё два человека – Андрей Морковкин, его все зовут только по фамилии, и Павлович, человек без имени, без фамилии и, судя по диагнозу, без будущего. Все мы здесь в середине ночи находимся по одной причине: нас терзает боль. У каждого для этого существует своя причина.

Маленький ершистый Морковкин попал в больницу из небольшого села, расположенного неподалёку от Березников – второй, северной, столицы Пермского края. Он недели две назад закончил строительство нового дома и решил обмыть это событие с двумя братьями постарше. Братья выпили всё, что могло гореть, и им, как обычно, показалось, что этого мало, но часы уже пробили двенадцать, а в столь позднее время только чудо могло спасти их

алчущие души. И в этот момент Морковкин вспомнил, что видел, как жена прятала в комод, временно стоящий на просторной кухне, чекушку спирта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.